

К.А.Пахалюк
**ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ
КАК ОСНОВАНИЕ
РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИИ**

**НА ПРИМЕРЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ ВЛАДИМИРА ПУТИНА
В 2012–2018 ГГ.**

Константин Александрович Пахалюк — аспирант кафедры политической теории МГИМО (У) МИД России. Для связи с автором: kap1914@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена исследованию причин и политического смысла все более активного обращения государства к прошлому в современной России. Отталкиваясь от постфундаменталистской традиции в политической философии, автор утверждает, что во время третьего срока В.Путина история превратилась в квазитрансценденцию, призванную придать политической жизни ценностное измерение. Об этом свидетельствуют, в частности, такие явления, как нарастающая «секьюритизация» исторической памяти и использование исторического аргумента для обоснования значимых политических решений. Выбор истории в качестве главного источника ценностной легитимации российской политики связан как с кажущейся очевидностью исторических фактов, так и с неразвитостью в России морального дискурса при доминировании этики добродетелей над этикой принципов.

На основе дискурсивного анализа выступлений Путина в 2012–2018 гг. автор приходит к выводу, что главным действующим лицом российской истории выступает государство, а ключевой политической добродетелью — служение ему. Убедительность исторических аргументов обуславливается, во-первых, представлением об объективности прошлого, а во-вторых, эмоциональной силой образов героев, пожертвовавших собой во имя Отечества. Последнее объясняет не только доминирование военных сюжетов, но и стремление властвующих элит вытеснить тематику политических репрессий на обочину публичного пространства, чтобы эмоционально сильные образы жертв не использовались для обоснования альтернативных политических ценностей.

Посредством перформативных высказываний Путин вводит историческую тематику в различные направления государственной деятельности и расширяет пространство актуального прошлого за счет дореволюционного периода. Репертуар используемого в политических целях прошлого ограничивается событиями, которые предшествуют началу 1990-х годов, то есть

тому «моменту политического», когда началось формирование современной российской политики. Это ведет ко все большей автономизации пространства коллективной памяти. Для того чтобы соотносить коллективное «Мы» со страницами далекого прошлого, требуется воображение, однако то же воображение нередко порождает собственный смысловой мир, далекий от реальных политических проблем сегодняшнего дня.

Ключевые слова: дискурс, постфундаментализм, политическая коммуникация, политика памяти, символическая политика

В последние 10—15 лет в российской политической жизни все большую роль играет обращение к прошлому. Можно выделить два рубежных момента. Первый — середина 2000-х годов, когда под влиянием ряда внешних факторов («оранжевая революция» на Украине, активизация «мемориальных войн» с Грузией и странами Балтии) стали складываться отдельные институты исторической политики¹. Однако вплоть до 2012 г. деятельность государственных структур в этой сфере не носила системного характера. Вторым рубежным моментом можно считать «консервативный поворот» 2012—2013 гг.², который сопровождался институционализацией официальной политики памяти и расширением ее государственного финансирования.

¹ Миллер 2012.

² Бызов 2015.

В настоящей статье нас будут интересовать не столько конкретные факты политического использования истории, сколько более общие вопросы: почему произошел разворот в сторону истории? в чем заключается собственно политический смысл обращения к прошлому в современной России? В поисках ответа на них мы будем отталкиваться от проводимого в рамках постфундаменталистского направления в политической философии различения между двумя уровнями политики — классической политикой (politics) и политическим (the political). После прояснения теоретических установок мы постараемся продемонстрировать, что в современной России обсуждение истории связано с поиском онтологических оснований российской политики, а само прошлое все больше выступает в качестве квазитрансценденции, призванной придать ценностное измерение российской политике.

Далее, опираясь на выступления Владимира Путина 2012—2018 гг., мы рассмотрим, как именно российский президент формирует пространство политически актуального прошлого, заставляя отдельные его страницы служить примерами воплощенных добродетелей. В данном случае нами будет использован дискурсивный подход, фокусирующий внимание на активной роли языка в процессе политизации истории. Ключевым здесь является постулат о том, что коллективное, разделяемое прошлое не существует вне пространства языка, то есть символических форм выражения³. В связи с этим создаваемое президентом пространство политической истории будет рассматриваться нами как особого рода дискурс, обладающий внутренней структурой и логикой. При

³ См. Ассман 2014: 21—35.

⁴ Пахалюк 2017.

⁵ См. Лакофф
и Джонсон 2012.

⁶ См. Шейгал 2004;
Лотман 2015.

⁷ См. Юрчак 2016.

проведении анализа мы задействуем предложенную нами ранее трех-частную модель изучения политического дискурса⁴, в соответствии с которой необходимо учитывать не-нейтральность: 1) способов осуществления коммуникации; 2) когнитивных оснований (концептуальных метафор и ключевых понятий, формирующих социальную онтологию)⁵; 3) выстраиваемых семиотических пространств⁶. Отталкиваясь от заключений Алексея Юрчака относительно перформативной составляющей политического дискурса⁷, мы покажем, что на политическом уровне нет никакого единого самовоспроизводящегося исторического нарратива, что значение имеют только разнообразные акты обращения к прошлому, что именно их совокупность и создает гетерогенное символическое пространство политически актуальной истории.

Постфундаментализм и проблемы исторической памяти

⁸ См. Marchard
2007.

⁹ Среди российских
партий наиболее
активно истори-
ческую тематику
используют КПРФ
и ЛДПР.

¹⁰ Нанси 2011: 64,
83—85.

¹¹ Анкерсмит 2012.

Как уже упоминалось, в рамках постфундаменталистского направления в политической философии принято выделять два уровня политики — онтический (классическая политика, politics) и онтологический (политическое, the political)⁸. Применительно к рассматриваемой нами теме в первом случае речь идет о деятельности конкретных участников политического процесса, для которых апелляция к прошлому — один из видов символического капитала, позволяющий легитимировать принятые решения, формировать позитивный имидж и привлечь голоса избирателей⁹.

Нас же в большей степени интересует уровень онтологии, где происходит конституирование оснований (foundations) политики, а вместе с тем — означивание бытия-совместно, той онтологической «социальности», которая является предпосылкой развития различных социальных и политических форм¹⁰. В отличие от антифундаменталистов (например, Франклина Анкерсмита¹¹), постфундаменталисты, признавая невозможность раз и навсегда сплотить общество на одном основании (к чему стремились тоталитарные режимы), все же не отрицают наличия таких оснований, концентрируясь на том, как властвующие элиты пытаются осуществить процесс «фундирования», то есть седиментировать социальные структуры, представить их как нечто естественное и остановить нарастающую семиотическую дифференциацию.

Постфундаментализм возник как результат анализа кризисных обществ, где политические структуры только оформились, что делает данный теоретический подход особенно полезным при изучении современной России. В качестве примера можно привести идеологему «духовных скреп», которая, как показывает Леонид Фишман, отсылает не к «духовности», а к отсутствию «социального капитала», i.e. моральных норм и социальных институтов, производящих доверие в обществе и образующих фундамент социально-политической системы¹². На языке постфундаментализма речь идет о бытии-совместно, когда множество индивидов преобразуется в сообщество, а потому приобретает политическую субъектность. Возникновение подобной со-общности,

¹² Мартыанов
и Фишман (ред.)
2016: 188—191.

которая только в самых жестких и извращенных формах превращается в тотальность, неразрывно связано с обоснованием политического порядка (polity) per se. Это заставляет нас обратиться к поиску трансценденций (они же основания), придающих высшую, то есть ценностную, легитимность российской политике и нацеленных на производство российского политического сообщества как такового. По справедливому замечанию Леонида Бляхера, «легитимация власти из трансценденции задает смысловой контекст существования общества, напрямую связывая причастность к высшей ценности с причастностью к власти»¹³.

¹³ Бляхер 2014: 41.

Долгосрочные стратегии национальной безопасности и социально-экономического развития и другие значимые политические решения, не говоря уже о макрополитической идентичности, нуждаются в более высокой легитимации, нежели простое указание на то, что их выработкой занимались выборные представители общества или профессиональные эксперты. Действия этих акторов требуют отсылки к некоей трансценденции вроде «общего блага», «свободы», «справедливости», «нации» и т.п. Отсутствие оснований или попытка замкнуть общество на одном из них влекут за собой подчинение политического социальному, господство бюрократической инструментальной рациональности и неспособность к подлинному политическому действию. Политика деполитизируется, подменяется администрированием, и политический процесс становится неотличим от управления¹⁴.

¹⁴ Каспэ 2012: 68.

Вопрос о поиске собственных ценностных оснований и тех акторов, которые стали бы участниками «политико-культурного синтеза», остро стоит и перед современной Россией. Сложность этого процесса обусловлена упадком морально-идеологического консенсуса не только в самой России, но и в странах условного «западного мира», где либеральные ценности стремительно утрачивают влияние¹⁵. Ответ российских элит на этот вызов начиная с 2012—2013 гг. заключается вовсе не в попытках предьявить альтернативные (например — коммунитарные) ценности, что было бы логичным, учитывая стремление РФ позиционировать себя в качестве реальной альтернативы американоцентричному миру. Напротив, последние шесть лет мы наблюдаем частичное повторение пути тех политий Восточной Европы, которые черпают ценностный ресурс из своего прошлого (правда, досоциалистического)¹⁶. Другими словами, речь идет о превращении истории в квазитрансценденцию, призванную придать политической жизни ценностное измерение.

¹⁵ Мартыанов
и Фишман (ред.)
2016.

¹⁶ Каспэ 2012: 152.

**История
как основание
российской политики:
институциональное
измерение**

¹⁷ Як 2017.

Конечно, к апелляции к общему прошлому как средству легитимации прибегают все современные политики. Как подчеркивает Бернард Як, любое национальное сообщество строится на общем наследовании, что требует создания связного исторического нарратива¹⁷. Более того, с конца XX в. в странах Европы стала формироваться особая мемориальная культура, в рамках которой прошлое перестает быть неким «реликтом», чье сохранение необходимо для сглаживания ускоряющихся

процессов модернизации, но продолжает жить, формируя идентичность и смыслы¹⁸. В этом плане Россия практически полностью вписывается в общеевропейский тренд, за исключением одного важного аспекта — история превратилась здесь в главный источник заимствования и обоснования ценностей¹⁹.

О превращении исторического прошлого в ключевое основание российской политики свидетельствуют, в частности, следующие факты.

1. *Общая проблематичность существования ценностей, не подкрепленных исторической аргументацией.* Так, патриотизм (то есть лояльность по отношению к политике), провозглашенный Путиным национальной идеей, сам, чтобы избежать тавтологичности, обосновывается через прошлое, а патриотическое воспитание в его смысловой части сводится именно к изучению истории.
2. *Легитимация присоединения Крыма в речи президента перед депутатами Госдумы, членами Совета Федерации, руководителями регионов страны и представителями гражданского общества через отсылки к прошлому и представление самого этого ключевого политического события третьего срока Путина как исправления исторической несправедливости²⁰.* Другие аргументы, прозвучавшие в этой речи (этническая близость и свободный демократический выбор), были логически подчиненными «историческому аргументу».
3. *Проведение третьей и четвертой инаугураций Путина 7 мая, то есть в преддверии Дня Победы — праздника, по степени популярности и идейной нагрузке превосходящего все другие государственные праздники.* Великая Отечественная война трактуется многими исследователями как «миф основания» современной России²¹, хотя в 2012—2018 гг. все большее внимание стало уделяться событиям дореволюционного прошлого.
4. *Постепенная и все более активная «секьюритизация» исторической тематики, закрепляемая посредством различных нормативно-правовых актов.*

Апелляцию к прошлому можно найти еще в преамбуле Конституции РФ, где говорится о многонациональном народе Российской Федерации, объединенном «общей судьбой на своей земле», сохраняющем «исторически сложившееся государственное единство» и чтящем «память предков»²², хотя в данном случае она соседствует с констатацией верности демократическим ценностям и правам человека. Положения о необходимости учета исторических традиций содержат федеральные законы об организации органов государственной власти субъектов РФ и о местном самоуправлении. Более того, в 1990—2000-х годах был принят ряд федеральных законов, которые можно интерпретировать как «позитивное историческое законодательство», — «О реабилитации жертв политических репрессий» (1991), «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» (1993), «О днях воинской славы

¹⁸ Ассман 2017: 192—193.

¹⁹ Одним из первых обратил на это внимание Бляхер (см. Бляхер 2014: 75), однако не развил эту тему.

²⁰ Обращение 2014.

²¹ См. Артемьев 2014.

²² Конституция 1993.

и памятных датах России» (1995), «О почетном звании „Город воинской славы“» (2006), «О центрах исторического наследия президентов Российской Федерации, прекративших исполнение своих полномочий» (2008) и др.

Однако в последние шесть лет произошел определенный перелом, и историческое прошлое впервые стало предметом «негативного законодательства». В 2014 г. на фоне украинского кризиса в Уголовный кодекс РФ были внесены поправки (ст. 354.1), которые криминализировали публичное отрицание установленных Нюрнбергским трибуналом фактов военных преступлений нацистов, распространение заведомо ложных сведений об участии СССР во Второй мировой войне, выражение явного неуважения к дням воинской славы и памятным датам России, а также осквернение символов воинской славы. Хотя правоприменительная практика показывает, что соответствующая статья используется главным образом против представителей националистического крыла оппозиции, сама она является одной из попыток законодательно обозначить сакральное пространство памяти, которое тематически связано именно с военными событиями, и тем самым «защитить» тех, кто отдал жизнь во имя нации. Характерно, что в конце 2016 г. и вице-премьер Дмитрий Rogozin, и министр культуры Владимир Мединский говорили о сакральности военных героев (в частности, Зои Космодемьянской)²³.

²³ *Память 2016.*

Другая тенденция — попытки установления взаимосвязи между различными интерпретациями истории и безопасностью страны. Так, в 2015 г. в новой редакции Стратегии национальной безопасности РФ появились «исторические статьи». В ней прямо говорится о возрождении традиционных духовно-нравственных ценностей и формировании у молодежи достойного отношения к своей истории (п. 11), а основой общероссийской идентичности объявляется не просто исторически сложившаяся система «единых духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей» (п. 77), но и «историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины» (п. 78). Впрочем, в чем именно проявляется значимость истории, в Стратегии не разъясняется, а практический аспект сводится к информационному противоборству, то есть к противостоянию попыткам «некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории» (п. 21)²⁴. Однако сам факт увязки памяти с безопасностью частично объясняет, почему истории придается все большее политическое значение. Весьма показательна в этом плане проведенная в 2016 г. под эгидой Федерального агентства по делам национальностей экспертиза региональных учебников истории на предмет интерпретаций, способных стимулировать рост сепаратистских настроений.

²⁴ *Стратегия 2015.*

5. *Ряд серьезных шагов, направленных на институционализацию политики памяти.* Так, в 2012—2013 гг. были последовательно созданы Российское историческое и Российское военно-историческое общества. В 2016 г. Указом президента образован Фонд «История Отечества», аффилированный с РИО. Продолжает действовать учрежденный еще в 2000 г. Российский организационный комитет «Победа» как площадка для координации деятельности различных ведомств по увековечению памяти о Великой Отечественной войне. До осени 2016 г. собственную линию проводил Российский институт стратегических исследований, вслед за своим директором Леонидом Решетниковым отстаивавший имперско-националистические позиции. Повышенное внимание проблемам исторической памяти стало уделять и Министерство иностранных дел, использующее обращение к прошлому для морального обоснования внешней политики России. Среди других акторов, действующих на этом поле, можно выделить министерства культуры, образования и обороны, Русскую православную церковь, возрождающиеся казачьи организации, различного рода волонтерские объединения, поисковые движения и военно-реконструкторские клубы.

Перед нами целая сеть государственных и общественных организаций, включенных в процесс производства того, что собирательно можно назвать политикой памяти. Речь идет не о некоей централизованной системе, а о гетерогенном процессе, когда каждый актор преследует собственные цели, что ведет к появлению противоречий и полутонов. Единство государственной исторической политики есть не более чем дискурсивный эффект, обусловленный тем, что публичные дискуссии структурируются оппозицией «патриотов» и «либералов», а те, кто в той или иной мере наделен правом на выражение официальной позиции, апеллируют к патриотическим ценностям и идеалам служения государству. Собственно, ключевая задача и состоит в поддержании и развитии подобного символического единства. На это указывает, в частности, деятельность всевозможных юбилейных оргкомитетов (например, по подготовке к 100-летию Первой мировой войны, 100-летию революций 1917 г. и 75-летию победы под Сталинградом), возглавлявшихся высокопоставленными чиновниками, которая, по сути, сводилась к составлению масштабных планов — различные ведомства и организации на федеральном и региональном уровнях готовили списки мероприятий и потом отчитывались об их проведении. Посредством такого рода символической игры разрозненные коммеморативные действия, с одной стороны, получали дополнительный символический вес, а с другой, свидетельствовали о масштабной работе под государственным патронатом.

Но почему историческое прошлое приобрело в России столь высокую значимость? На наш взгляд, этому в известной мере способствовала неразвитость в российском общественном пространстве морально-этических дискуссий, вследствие чего апелляция к довольно

абстрактной этике принципов (подобных кантовскому императиву) не могла выступать достаточным аргументом. Необходимо также учитывать, что в глазах большинства россиян универсальные либеральные ценности были дискредитированы в 1990-е годы²⁵. Не следует забывать и о наследии советской эпохи, когда доминировала именно этика добродетелей с ее акцентом на фигуре Героя, образы которого легко заимствуются из прошлого²⁶. Язык исторических примеров интуитивно понятен широкому слою населения и убедителен, ибо отсылает к тому, что, казалось бы, было в реальности. Это своеобразный способ практического разрешения «парадокса Лефора» за счет очевидности исторических фактов, попытки оспорить которые отсекаются как фальсификации.

²⁵ *Каспэ 2012:*
65—66.

²⁶ *Хархордин 2011.*

Безусловно, эта очевидность является мнимой, тем более что специфика исторического дискурса заключается в отсутствии референта, который всегда заменяется теми или иными языковыми формулами, производящими то, что считается прошлым. В условиях «секьюритизации» исторической памяти альтернативные высказывания начинают рассматриваться как покушение на историю. Более того, сужение публичного пространства негативно сказывается на качестве общественных дебатов о политике, а поскольку история России преподается как история политическая, то активные дискуссии на «острые исторические темы» оказываются завуалированной формой споров о фундаментальных политических проблемах современной России. Неудивительно, что в начале 2014 г. Путин прямо связал обсуждение прошлого с оценкой деятельности действующего правительства²⁷.

²⁷ *Встреча с авторами 2014.*

Но историческое прошлое может выступать в качестве основания (foundation) политики только при наличии хотя бы минимального объема общих, разделяемых знаний о совместном прошлом. Потому вполне логично, что в последнее десятилетие государственные усилия были направлены на создание историко-культурного стандарта и расширение деятельности по популяризации исторических знаний. Одну из первых попыток решить эту задачу предпринял президент Дмитрий Медведев, однако на выходе получился лишь раздел на сайте информагентства «РИА Новости»²⁸. Заметно более эффективной оказалась интернет-активность РВИО, под патронатом которого заработал сайт «История.рф». В 2015 г. близкий к Кремлю Институт социально-экономических и политических исследований инициировал выпуск журнала «Историк», а Государственный музей современной истории начал издавать журнал «Живая история».

²⁸ *Об исполнении 2012.*

Речь идет отнюдь не о попытке сформировать некий исторический канон, который ввиду статичности скорее мешал бы политическому обращению к прошлому, тем более что редакторы упомянутых изданий сохраняют автономию и ориентируются на собственные представления о том, как нужно популяризировать историческое знание. Точнее здесь будет говорить о действиях, которые задают общие интерпретативные рамки, единый горизонт отношения к прошлому. Особо стоит

выделить создание мультимедийных парков «Россия — моя история»: менее чем за три года (с конца 2015 г.) они были открыты в 17 городах России. В ряде регионов единый общероссийский компонент дополняется региональным. Поскольку проект реализуется под патронатом патриархии, во всех этих случаях мы сталкиваемся с консервативным прочтением отечественной истории.

На наш взгляд, выступления Путина и других политических фигур на исторические темы также ориентированы на формирование общих интерпретативных рамок: задача политиков — посредством перформативных актов сформировать и зафиксировать определенное отношение к совместному прошлому, строящееся на ключевых ценностях (прежде всего на патриотизме). Содержание этих выступлений бессмысленно сличать с научными представлениями, ибо их смысл заключается в выработке диалогического, ценностного — и в конечном итоге аффективного — отношения, а вовсе не в отражении исторических реалий. Поэтому, как нам кажется, здесь тоже вполне применима концепция аффективного менеджмента истории, выдвинутая Сергеем Ушакиным применительно к различным юбилейным мероприятиям²⁹.

²⁹ Oushakine 2010.

Конечно, сложно отдавать дань памяти некоему акту героизма, если он не находит хоть какого-то подтверждения в исторических штудиях. Потому мы выделяем два несводимых друг к другу модуса обращения к прошлому, различаемых на основе прагматики, — апелляцию собственно к истории и формирование к ней ценностного, то есть политического, отношения. Ключевая черта публичных выступлений — стремление сгладить возникающие между ними противоречия, выстроив когерентную и в высшей степени софистическую речь³⁰. Если большинство профессиональных историков считает, что ценностное отношение может и должно отталкиваться от научных представлений, то политики и близкие к ним деятели искусства скорее готовы подчинить научное знание ценностным императивам и конъюнктурным соображениям. Весьма показательна в этом плане позиция режиссера Игоря Угольникова, уравнивающего понятия «правдивое» и «патриотическое»: «Военное кино должно быть обязательно правдивым. Я считаю, что неприемлемы лживые фильмы, которые призваны опорочить честь наших военных. На мой взгляд, военное кино должно способствовать именно патриотическому, а не антипатриотическому воспитанию»³¹. Затуманенность данного противоречия (причем не важно, сторонниками ли «академической» или «ценностной» истории) и есть главный шаг на пути к мифотворчеству.

³⁰ Гройс 2007.

³¹ Россия 2014: 42.

**Владимир Путин
и формирование
пространства
актуальной истории:
дискурсивный
анализ**

Отдавая себе отчет в невозможности рассмотрения всех аспектов политического использования истории в рамках одной статьи, мы сосредоточимся на выступлениях Путина во время его третьего президентского срока, задействовав в качестве источниковой базы материалы на сайте kremlin.ru, найденные по запросам «история» и «память». В современной России именно Путин является той фигурой, которая

³² Президентские выборы 2018.

обладает реальным авторитетом и символическим капиталом для производства высказываний, фиксирующих основания российской политики. Как отмечают, подводя итоги выборов 2018 г., эксперты Центра политических технологий, «символом политического уровня (семь соперников Путина) являются крайне конфликтные дебаты, основными событиями которых в публичном пространстве выглядели скандалы. Путин воспринимается на другом уровне — как человек государства, который находится выше политических „разборок“»³². Другими словами, президент позиционирует себя — и, главное, воспринимается! — как деятель, находящийся на уровне не политики (politics), а именно политического (the political). Существующая же гегемонистская политическая система пытается свести политическое к государственному.

³³ Шевчук 2017.

Отталкиваясь от обозначенного выше различия между политической и политическим, можно следующим образом концептуализировать наш предмет исследования. На уровне politics историческое прошлое не просто становится частью публичного позиционирования президента, но и посредством перформативных актов вводится в пространство государственной политики. В конечном счете обращение к прошлому есть один из элементов общей стратегии «консолидации вокруг знамени», обеспечивающей высокий рейтинг президента в условиях экономического кризиса³³. Однако там, где история увязывается с определением коллективного «Мы» и объединяющих политику ценностей, мы выходим на уровень the political.

Для более глубокого анализа формируемого пространства актуальной истории рассмотрим его сквозь призму дискурсивного подхода, последовательно останавливаясь на трех измерениях дискурса — коммуникативном, когнитивном и семиотическом.

³⁴ Каспэ 2007: 36—37.

Коммуникативное измерение. Концентрация внимания на коммуникационных аспектах позволяет подойти к ответу на крайне важный и сложный вопрос: если история есть квазитрансценденция, то как осуществляется доступ к ней? Со ссылкой на Эдварда Шилза Святослав Каспэ подчеркивает необходимость «земных-трансцендентных» центров, которые обеспечивали бы взаимодействие с сакральным³⁴. И здесь решающую роль играет даже не столько сообщество профессиональных историков, сколько сеть различных институций, которые занимаются тем, что принято называть сохранением исторической памяти.

На первый взгляд обращение Путина к прошлому выглядит монологичным: его политический статус является достаточным основанием для производства высказываний на историческую тематику, которые post factum легитимируются сетью историков и исторических организаций. Однако все эти символические акты осуществляются не в пустоте — они либо напрямую направлены к различным символам, либо производятся в присутствии тех, кто претендует на действительно авторитетное высказывание о прошлом вследствие своего научного веса или активной работы по сохранению прошлого. Это могут

³⁵ Так, в январе 2014 г. Путин встречался с работниками нового Учебно-методического комплекса по отечественной истории, в октябре — с директорами краеведческих музеев, в ноябре — с молодыми историками, в июне 2016 г. — с участниками Общероссийского исторического собрания.

³⁶ Владимир Путин 2015.

быть приветственные слова в адрес участников научных конференций и форумов, вступительные речи на заседаниях президентских Советов по культуре и искусству и по гражданскому обществу, выступления на встречах с профессиональными историками³⁵, представителями РИО, РВИО, поисковых объединений или движения «Волонтеры Победы». Участвуя в подобных мероприятиях, Путин не только повышает их статус, но и сам использует их символический капитал. В данном случае первостепенное значение имеет принцип смежности, позволяющий сформировать в медийном пространстве необходимый образ: президент выступает как один из «хранителей истории», а его слова получают одобрение со стороны профессионалов.

Когнитивное измерение. Применительно к данному измерению ключевой вопрос можно сформулировать следующим образом: что такое история для президента? Речь идет о базовых когнитивных моделях, которые отражают определенную социальную онтологию и структурируют на смысловом уровне обращение к конкретным историческим событиям.

Примечательно соседство двух модусов позиционирования истории в выступлениях Путина. С одной стороны, говоря о чем-то важном, он неизменно использует прилагательное «историческое» в позитивном ключе, как если бы оно придавало естественность предмету говорения (например: «наша страна исторически строилась как цивилизация, в которой каждый народ сохранял свою этнокультурную идентичность»³⁶). С другой стороны, он никогда не рассуждает об истории Отечества в целом, а всегда обращается к отдельным событиям, которые предстают в качестве предмета (концептуальная метафора «историческое событие есть предмет»), с которым можно производить различные действия. Репертуар таких действий обычно ограничивается изучением, распространением знаний, сохранением памяти и уважительным отношением.

Концептуальные метафоры *знания* и *сохранения*, структурирующие апелляцию к прошлому, обладают особой значимостью, поскольку задают рамки конкретных практик «работы с прошлым», которые сводятся либо к распространению информации, либо к производству действий, которые можно назвать «сохранением» или «проявлением уважения». В выступлениях президента прошлое абсолютно объективно, что логически оправдывает призывы говорить честно и противодействовать фальсификации. Одним из следствий подобного подхода становится стремление устранить любые противоречия как собственно внутри истории (отсюда подчеркивание ее единства и преемственности всех периодов), так и между осмыслением и ценностным отношением.

Лейтмотивом всех исторических высказываний Путина является идея единства, позволяющая увязать обращение к прошлому с формированием макрополитической идентичности. Наиболее отчетливо

эта установка прозвучала в его выступлении на встрече с участниками Общероссийского исторического собрания летом 2016 г.: «Российская история — это основа нашего национального мировоззрения, культуры в самом широком смысле этого слова. Это, безусловно, источник понимания своей идентичности и своей цивилизационной миссии»³⁷. Другими словами, Путин пытается выйти на уровень *the political*, высказать (означить) то, что может служить основанием производства коллективности. Здесь центральное место занимают три трансценденции: «государство», «нация» и «духовность». Ни одна из них эксплицитно не расшифровывается, а первые две зачастую подаются как контекстуальные синонимы. Подобную (просчитанную) неоднозначность можно рассматривать как особую риторическую практику, позволяющую апеллировать к разным группам электората³⁸.

³⁷ *Встреча с участниками 2016.*

³⁸ *Подробнее см. Малинова 2013: 220, 278.*

Если духовность предстает как некое свойство России, о котором не удастся сказать что-либо конкретное, то государство и нация выступают объектами служения, и именно это служение преподносится как ключевая политическая добродетель. Иногда ее дополняют повседневные добродетели, почерпнутые из репертуара консервативной мысли. Например, во время Парада Победы в 2013 г. президент заявил: «И главной силой такого святого родства является любовь к России, к родному дому, к своим близким, к своей семье. Эти ценности объединяют нас и сегодня. За них героически сражался весь наш народ»³⁹.

³⁹ *Выступление на военном параде 2013.*

В конечном счете идея единства истории плавно переходит в идею окрашенного в государственнические тона единства российского народа. Применительно к внешней политике обращение к прошлому призвано подчеркнуть, что Россия всегда следовала таким добродетелям, как соблюдение международных норм и базовых принципов международного сотрудничества, уважение государственного суверенитета, укрепление международной безопасности⁴⁰.

⁴⁰ *Выступление на военном параде 2012, 2013.*

Тем самым производится государствоцентричный исторический нарратив, где любые успехи увязываются с добродетельным служением государству, а кризисы и неудачи объясняются отходом от этой добродетели. Историческое прошлое предстает неким трансцендентным пространством, к которому апеллируют и из которого черпают отдельные элементы-примеры (никогда не получающие, впрочем, полной расшифровки). Принципиально, что через обращение к прошлому происходит эссенциализация государства, которое оказывается главным историческим деятелем. Однако это вовсе не означает, что две другие трансценденции — «нация» и «духовность» — утрачивают значимость. В этом плане примечательна реакция президента на слова директора Государственного исторического музея Алексея Левыкина о том, что русское самосознание стало складываться примерно 150 лет назад. Возражая Левыкину, Путин заявил, что «русское самосознание начало складываться... с момента объединения русских земель и вокруг основной моральной ценности, возникшей во

время Крещения Руси. Наверное, с образованием централизованного Российского государства началась сама идея и национальное самосознание»⁴¹.

⁴¹ *Встреча с руководителями 2014.*

Постулируемое единство русской истории определяет и особенности обращения к сложным ее страницам, прежде всего к политическим репрессиям советского периода. Президент неоднократно подчеркивал, что неоднозначные события — «это неотъемлемая часть нашего прошлого. И при всей разности оценок, мнений мы должны относиться к ним с уважением»⁴². Но признание факта репрессий сопровождается жестом дистанцирования, воспрещающим превращение их в основание для критики существующего положения вещей, поскольку «уроки истории должны не разделять, а объединять нас, способствовать сохранению гражданского мира и согласия»⁴³. Иными словами, речь идет о нежелательности не столько обсуждения самой темы, сколько таких высказываний, где память о жертвах использовалась бы для обоснования альтернативных политических проектов или ценностей. И в данном случае Путина едва ли можно заподозрить в стремлении оправдать собственно репрессии: в 2014 г. он подписал указ о реабилитации народов Крыма, пострадавших во время сталинского террора, а в 2017 г. участвовал в открытии памятника жертвам политических репрессий в Москве.

⁴² *Стенографический отчет 2014.*

⁴³ *Заседание Совета по развитию гражданского общества 2016.*

Перед нами фактически открытый призыв к деполитизации и нейтрализации сложного прошлого, нацеленный на исключение его из активной символической игры. Наиболее важным является противодействие уравниванию сталинского СССР с нацистской Германией. Как правило, ключевым аргументом выступает указание на «цели» режимов: «При всем уродстве сталинского режима, при всех репрессиях, даже при всех ссылках целых народов все-таки цели уничтожения народов никогда сталинский режим перед собой не ставил, и попытка поставить на одну доску одних и других абсолютно не имеет под собой никакой почвы»⁴⁴. Другой значимый момент — подчеркивание всеохватывающего характера репрессий, которые подаются как общая трагедия, что делает недопустимым и даже аморальным выделение отдельных групп и предъявление «счетов». Тем самым снимается вопрос об ответственности. Характерно, что в утвержденной в 2015 г. Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий это слово вообще отсутствует. Ввиду доминирования этики добродетелей соответствующие практики воспринимаются как не более чем примеры недобродетельного поведения; однозначное их осуждение возможно лишь при господстве этики принципов. В такой ситуации вполне логичным выглядит, в частности, призыв Путина перестать спекулировать на трагедии чеченского народа, поскольку «первой, самой крупной жертвой этих репрессий был русский народ... Это наша общая история»⁴⁵. В условиях поляризации отношения в обществе и к личности Сталина, и к проводившимся при нем репрессиям, а также попыток несистемной оппозиции использовать «исторические аргументы»

⁴⁴ *Прямая линия 2015.*

⁴⁵ *Прямая линия 2013.*

в свою пользу подобная тактика, бесспорно, представляет собой результат прагматичного выбора.

Семиотическое измерение. Как отмечалось выше, перформативные акты формируют семиотическое пространство прошлого, в основу которого положена идея о непрерывности 1000-летней истории России. Однако проблема в том, что не существует собственно единого официального исторического нарратива, к которому эти высказывания могли бы отсылать. Тот же историко-культурный стандарт — это набор персоналий, фактов, событий, которые могут соединяться различными способами, и проявляемая президентом активность по производству символических жестов, апеллирующих к истории, скорее является попыткой возместить и одновременно скрыть это отсутствие. В итоге на практике мы сталкиваемся с гетерогенным семиотическим пространством, состоящим из разнородных символических актов. Для того чтобы описать эти семиотические практики и тем самым как-то их упорядочить, имеет смысл разделить их на две группы, различающихся с точки зрения прагматики.

Первая группа высказываний президента об истории (как правило, сделанных во время рабочих совещаний или заседаний президентских советов) вводит историческое прошлое в различные направления государственной деятельности.

1. *Культурная политика.* Применительно к данной сфере можно говорить об отсутствии четких границ между «историей» и «культурой», скорее последняя историзируется и рассматривается как некий набор «вещей» (от конкретных произведений до нематериальных ценностей), которые мы получили в наследство и потому должны беречь. Эта установка прозвучала, в частности, в выступлении Путина на заседании президентского Совета по культуре и искусству в 2013 г., где он назвал культуру одним «из ключевых символов российской государственности и исторической преемственности», подчеркивая, что «нельзя потерять свои культурные корни, то, что формировалось веками, складывалось многими поколениями представителей разных национальностей и разных религий и не раз на самых трудных поворотах истории государства российского сберегало его для будущих поколений»⁴⁶.
2. *Военное строительство и безопасность.* Здесь на первое место выходят образы героев и героическая история русской (советской) армии, наследниками традиций которой выступают современные военнослужащие.
3. *Внешняя политика.* Обращение к прошлому призвано обеспечить моральное обоснование внешнеполитического курса страны. Наиболее отчетливо эта мысль была выражена в речи Путина на Параде Победы 2012 г.: «Россия последовательно проводит политику по укреплению безопасности в мире. И у нас есть великое моральное право — принципиально и настойчиво отстаивать свои

⁴⁶ Заседание
Совета по культуре
2013.

позиции, потому что именно наша страна приняла на себя главный удар нацизма, встретила его героическим сопротивлением, прошла через тяжелейшие испытания, определила сам исход той войны, сокрушила врага и принесла освобождение народам всего мира»⁴⁷.

⁴⁷ *Военный парад 2012.*

4. *Образовательная политика.* В контексте образовательной политики прошлое предстает как набор примеров, способствующих формированию патриотических чувств. Так, на встрече с авторами концепции нового учебника по российской истории Путин свел последнюю к истории государства, а ключевой целью ее преподавания объявил «хорошие, фундаментальные знания о ключевых фактах истории, о делах выдающихся соотечественников»⁴⁸.

⁴⁸ *Встреча с авторами 2014.*

5. *Экономическая политика.* В данном случае речь идет о развитии малых городов и иных исторических поселений за счет туризма и привлечения внимания к сохранившемуся наследию.

Вторая группа высказываний ориентирована на широкую публику. В значительной степени это перформативные жесты, изучая которые мы можем не только ответить на вопрос, кто должен символизировать добродетельное поведение, но и выяснить, на какие именно периоды истории делается акцент.

С точки зрения регулярности, бесспорно, доминирует тематика Великой Отечественной войны. Она присутствует в ежегодных выступлениях Путина на военном параде 9 мая и последующих торжественных приемах. Кроме того, в рассмотренный период Путин обращался к ней в ходе мероприятий, посвященных памятным датам, связанным с началом войны (при ежегодном возложении венка к Могиле неизвестного солдата), Сталинградской битвой (в 2013 и 2018 гг.) и освобождением Ленинграда (в 2014, 2015 и 2018 гг.). Другим регулярным поводом для обращения к прошлому является 4 ноября, День народного единства, когда президент возлагает цветы к памятнику Минину и Пожарскому, а затем проводит торжественный прием с вручением государственных наград иностранным гражданам. Отличительная черта мемориальных мероприятий 4 ноября — акцент на межконфессиональном единстве с безусловным выделением Русской православной церкви. Так, в 2013, 2015 и 2017 гг. в этот день Путин посещал исторические выставки, организованные под патронатом о. Тихона в Манеже, а в 2016 г. открывал памятник князю Владимиру. И лишь в 2014 г. в День народного единства президент принял участие в мероприятии, не имеющем отношения к РПЦ, посетив состоявшийся в Театре Наций вечер памяти российского писателя, режиссера и актера Василия Шукшина.

Любопытно, что в 2013—2016 гг. стала складываться практика ежегодного проведения торжественных приемов 9 декабря, в День Героев Отечества. Этот праздник восходит к дореволюционной традиции чествовать в этот день кавалеров главой «боевой» награды — Ордена Святого Георгия. На символическом уровне традиции героизма российской

⁴⁹ Прием 2016.

армии были отодвинуты далеко в прошлое, хотя на вербальном уровне эта установка была артикулирована только в 2016 г., в речи Путина на приеме по случаю празднования Дня Героев Отечества: «И нам одинаково дороги защитники древней Руси, Российской империи, герои 1812 года и Великой Отечественной войны»⁴⁹.

Наряду с регулярными обращениями к исторической тематике, можно выделить и разовые. Речь идет о совокупности символических жестов, которые можно разделить на четыре группы.

Первая группа таких жестов — это издание специальных указов, связанных с юбилейными историческими датами. Из 15 подобных указов, подписанных Путиным в 2012—2018 гг., девять посвящены деятелям культуры. В 2012 г. были изданы указы об увековечении памяти Андрея Вознесенского и о праздновании 150-летия со дня рождения Владимира Вернадского и 175-летия со дня рождения Петра Чайковского; в 2014 г. — о праздновании 200-летия со дня рождения Ивана Тургенева и 100-летия со дня рождения Александра Солженицына; в 2015 г. — о праздновании 200-летия со дня рождения Марии Петицы; в 2016 г. — о праздновании 200-летия со дня рождения Николая Некрасова и Федора Достоевского; в 2017 г. — об увековечении памяти Даниила Гранина и праздновании 100-летия со дня его рождения. Кроме того, в 2013 г. вышел указ о подготовке и проведении празднования 70-й годовщины победы в Великой Отечественной войне, в 2016 г. — указы о праздновании 500-летия возведения Тульского кремля, 100-летия со дня рождения Михаила Калашникова и 75-летия Сталинградской битвы. Примечательно, что если оргкомитет по подготовке празднования 100-летия Солженицына был образован за четыре года до самой даты, то оргкомитет по подготовке празднования 75-летия победы в Сталинградской битве — менее чем за год. Оргкомитет же по подготовке и проведению мероприятий, связанных со 100-летием революций 1917 г., был создан только в декабре 2016 г., причем на основании не указа, а распоряжения президента, которое в иерархии подзаконных нормативно-правовых актов находится на ступень ниже. Наконец, в 2012 г. был подписан указ о Дне местного самоуправления, отмечаемом 21 апреля, в день издания в 1785 г. Жалованной грамоты городам, а в 2014 г., после присоединения Крыма, — о реабилитации ряда проживающих на его территории этнических групп, ставших жертвами сталинских репрессий.

Вторая группа символических жестов — открытие памятников. Только один из них связан с Великой Отечественной войной, а именно воссозданный к лету 2013 г. фонтан «Детский хоровод», символ обороны Сталинграда. Большая часть других относится к дореволюционному прошлому — памятники героям Первой мировой войны на Поклонной горе, Александру I в Александровском саду (оба в 2014 г.), князю Владимиру в Москве (2016 г.), а также восстановленный памятник великому князю Сергею Александровичу на месте его гибели в Кремле (2017 г.). Отдельно отметим памятник жертвам политических репрессий,

о котором уже шла речь выше. Кроме того, в 2015 г. президент посетил возрожденную Константиновскую казематированную батарею в Севастополе. Из монументов, установленных в честь деятелей культуры, президент открывал памятники Расулу Гамзатову (2013 г.) и Сергею Михалкову (2014 г.).

Третья группа символических жестов — публичный просмотр фильмов на исторические темы (что можно интерпретировать и как одну из форм поддержки отечественного кинематографа). В 2013 г. Путин присутствовал на показе фильма «Легенда № 17», в 2015 посмотрел фильм «Батальон», в 2016 г. (вместе с Нурсултаном Назарбаевым) — «28 панфиловцев», в 2017 г. — «Викинг», в 2018 г. — «Побег из Собибора». Просмотру фильмов «Батальон» и «Викинг» предшествовали встречи со съемочными группами. Тематический репертуар перечисленных фильмов — спортивные достижения, обе мировые войны, крещение Руси и Холокост — почти полностью отражает те акценты, которые параллельно расставляли ключевые акторы политики памяти, а сам факт их просмотра и публичного одобрения президентом придал им полуофициальный статус, наделив символическим значением.

Четвертая группа символических жестов — письменные приветствия участникам всевозможных мероприятий, от научных конференций до конгрессов и торжественных съездов. За 2012—2017 гг. мы насчитали 19 подобных приветствий, содержащих исторические отсылки, причем только пять из них были связаны с Великой Отечественной войной.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать несколько значимых выводов.

Хотя именно Великая Отечественная война является ключевым историческим сюжетом, к которому апеллирует президент, в целом советское прошлое (за исключением деятелей культуры) занимает весьма скромное место в его историческом репертуаре. Более того, при обращении к этому прошлому звучат и негативные оценки (в частности, Путин неоднократно обвинял большевиков в том, что они украли победу России в Первой мировой войне, и даже признавал, что в послевоенных попытках Советского Союза силой навязать свою модель развития странам Восточной Европы не было ничего хорошего, «и это нам аукнется сегодня»⁵⁰). Предпринимаются активные попытки расширить пространство актуального прошлого за счет до-революционного периода. Лишь частично это можно объяснить конъюнктурными соображениями, юбилеями (100-летие Первой мировой войны, 200-летие Отечественной войны 1812 г.) или присоединением Крыма. Скорее речь идет о стремлении наполнить содержанием тезис о тысячелетней истории России и путем «расширения традиции» подкрепить эссенциалистские представления об исторической исконности государства. При этом нерегулярность обращения к большинству

⁵⁰ *Прямая линия* 2015.

исторических сюжетов указывает на неготовность к однозначному выделению неких конкретных периодов и превращению их в подобие второго «мифа основания». Вместе с тем тематическое доминирование в высказываниях президента о прошлом военных событий, выдающихся государственных деятелей и деятелей культуры, а также Православной церкви прекрасно вписывается в государствоцентричную трактовку истории. Наибольшего внимания со стороны Путина удостоиваются те события и фигуры, которые внесли вклад в укрепление государственности.

Еще раз подчеркнем: активность государственной политики памяти связана не столько с политическим имиджем, сколько с поиском того языка, который позволил бы привнести ценностное измерение в политический мир. В условиях ценностного кризиса обращение к прошлому вполне оправданно с прагматической точки зрения: конкретные примеры добродетельного поведения более убедительны, нежели апелляция к универсальным принципам. Их спектр широк, однако не выходит за пределы служения государству. В конечном счете все общественные дискуссии о прошлом *de facto* касаются не истории, а представлений о желаемом (идеальном) политическом устройстве.

Убедительность этой дискурсивной игры покоится не только на вере в объективность прошлого, но и на эмоциональной силе образов героев, которые жертвовали собою во имя нации. Потому доминирует именно военная тематика. Конечно, это типично для любого национально ориентированного дискурса, поскольку придает символической игре установления эквивалентностей (между погибшими и патриотическими ценностями) особое качество: память о тех, кто проливал кровь, делает проблематичным как выстраивание альтернативных исторических нарративов, так и артикулирование политических ценностей и добродетелей, не связанных со служением государству. А критика увязывания конкретных военно-исторических сюжетов с императивом служения государству предстает осквернением памяти героев: война — это время, когда решаются вопросы жизни и смерти, она не терпит слишком широких дискуссий, да и перед могилами павших принято молчать. Неудивительно, что и представители оппозиции, обращаясь к истории, тоже фокусируют внимание на жертвах — правда, на этот раз политических репрессий. Отсюда и стремление властвующих элит вытеснить эту тематику на обочину публичного пространства и деполитизировать ее, то есть воспрепятствовать такой игре эквивалентностей, когда память о жертвах (репрессированных) становится основанием альтернативных политических ценностей и критики действующей власти.

Обращение к прошлому направлено на формирование «символического минимума», позволяющего преодолеть дефицит социального единства, негативно сказавшийся на российском обществе в 1990-е годы. Президент лишь указывает на важные периоды, источники и конкретные

примеры добродетельного поведения, а основную работу по их «приземлению» и интерпретации берут на себя связанные с властью историки. Сам же он предпочитает оставаться над конфликтами различных интерпретаций, призывая всех к примирению, дистанцируясь от «перегибов» и подчеркивая, что нельзя замыкаться на консерватизме или довольствоваться исключительно героическим прошлым. С точки зрения решения модернизационных задач представляется необходимым расширить актуальное прошлое за счет привлечения соответствующих образов и добродетелей, причем наибольшее значение здесь имело бы подключение (конечно, не механистическое) таких трансценденций, как «общее благо» и «справедливость».

Важно отметить, что репертуар используемого в политических целях прошлого ограничивается событиями, которые предшествуют началу 1990-х годов, то есть тому «моменту политического», когда началось формирование современной российской политики. Это ведет ко все большей автономизации пространства коллективной памяти. Для того чтобы соотносить коллективное «Мы» со страницами далекого прошлого, требуется воображение, однако то же воображение нередко порождает собственный смысловой мир, далекий от реальных политических проблем сегодняшнего дня. Оттеснение на обочину символического пространства событий начала 1990-х годов мешает их реактивации (поскольку они исключаются из широкой дискуссии), но вовсе не исключает возможности их пересмотра в будущем.

Библиография

- Анкерсмит Ф. (2012) *Политическая репрезентация*. М.: Высшая школа экономики.
- Артемьев А. (2014) «„31 спорный вопрос“ русской истории: как менялось отношение ко Дню Победы» // *Lenta.ru*, 3.03. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/03/03/myths/> (проверено 5.09.2018).
- Ассман А. (2014) *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение.
- Ассман А. (2017) *Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна*. М.: Новое литературное обозрение.
- Бляхер Л.Е. (2014) *Искусство неуправляемой жизни*. М.: Европа.
- Бызов Л.Г. (2015) «Консервативный тренд в современном российском обществе — истоки, содержание и перспективы» // *Общественные науки и современность*, № 4: 26—40.
- Владимир Путин принял участие в пленарном заседании IV Санкт-Петербургского международного культурного форума*. (2015) URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/81/events/50926> (проверено 07.05.2018).
- Владимир Путин провел заседание Совета по культуре и искусству*. (2012) URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/81/events/16530> (проверено 07.05.2018).

Военный парад в честь 67-й годовщины Великой Победы. (2012) URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/117/events/15271> (проверено 07.05.2018).

Встреча с авторами концепции нового учебника истории. (2014) URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/81/events/20071> (проверено 07.05.2018).

Встреча с руководителями краеведческих музеев. (2014) URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/81/events/46710> (проверено 07.05.2018).

Встреча с участниками Общероссийского исторического собрания. (2016) URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/117/events/52201> (проверено 07.05.2018).

Выступление на военном параде в ознаменование 67-й годовщины победы в Великой Отечественной войне. (2012) URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/117/events/15271> (проверено 07.05.2018).

Выступление на военном параде в ознаменование 68-й годовщины победы в Великой Отечественной войне. (2013) URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/117/events/18089> (проверено 07.05.2018).

Гройс Б. (2007) *Коммунистический постскриптум*. М.: Ad Marginem.

Заседание Совета по культуре и искусству. (2013) URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/81/events/19353> (проверено 07.05.2018).

Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека. (2016) URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53440> (проверено 07.05.2018).

Каспэ С.И. (2007) *Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма*. М.: Московская школа политических исследований.

Каспэ С.И. (2012) *Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай*. М.: РОССПЭН.

Конституция Российской Федерации. (1993) URL: <http://www.constitution.ru/> (проверено 07.05.2018).

Лакофф Дж. и М.Джонсон. (2012) *Метафоры, которыми мы живем*. М.: URSS.

Лотман Ю.М. (2015) *Внутри мыслящих миров*. СПб.: Азбука.

Малинова О.Ю. (2013) *Конструирование смыслов: Исследование символической политики современной России*. М.: ИНИОН.

Мартьянов В.С. и Л.Г.Фишман, ред. (2016) *Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ*. М.: Политическая энциклопедия.

Миллер А.И. (2012) «Историческая политика в России: новый поворот?» // Миллер А. и М.Липман, ред. *Историческая политика в XXI веке*. М.: Новое литературное обозрение: 328—367.

Нанси Ж.Л. (2011) *Непроизводимое сообщество*. М.: Водолей.

Об исполнении поручения Президента по разработке мультимедийных продуктов по истории России. (2012) URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/81/events/18595> (проверено 07.05.2018).

Обращение Президента Российской Федерации. (2014) URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603> (проверено 07.05.2018).

Память Зои Космодемьянской почтили в Рузском районе Московской области. (2016) URL: <https://rvio.histrf.ru/activities/news/item-3008> (проверено 07.05.2018).

Пахалюк К. (2017) «Измерения дискурсивного пространства политических процессов: коммуникативное, семиотическое и когнитивное» // *Дискурс-Пи*, № 3: 55—64; № 4: 199—209.

Президентские выборы в России: основные выводы. (2018) URL: <http://politcom.ru/22943.html> (проверено 07.05.2018).

Прием по случаю Дня Героев Отечества. (2016) URL: www.kremlin.ru/events/president/news/53445 (проверено 07.05.2018).

Прямая линия с Владимиром Путиным. (2013) URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17976> (проверено 07.05.2018).

Прямая линия с Владимиром Путиным. (2015) URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49261> (проверено 07.05.2018).

Россия в Великой войне: Материалы Международного общественно-научного форума «Великая война: Уроки истории». (2014) М.: Издание Государственной Думы.

Стенографический отчет о встрече с разработчиками концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. (2014) URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/81/events/20071> (проверено 07.05.2018).

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. (2015) URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=191669&fld=134&dst=100014,0&rnd=0.10045034144140707#02631937844850346> (проверено 07.05.2018).

Хархордин О. (2011) *Основные понятия российской политики.* М.: Новое литературное обозрение.

Шевчук С.В. (2017) «„Тэфлоновый“ рейтинг (Факторы устойчивости политической поддержки В.Путина в условиях экономического кризиса)» // *Полития*, № 2 (85): 80—93.

Шейгал Е.И. (2004) *Семиотика политического дискурса.* М.: Гнозис.

Юрчак А. (2016) *Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение.* М.: Новое литературное обозрение.

Як Б. (2017) *Национализм и моральная психология сообщества.* М.: Изд-во Института Гайдара.

Marchard O. (2007) *Post-Foundational Political Thought.* Edinburgh: Edinburgh University Press.

Oushakine S. (2010) «Remembering in the Public: On the Affective Management of History» // *Ab Imperio*, no. 1: 269—302.

K.A. Pakhalyuk

HISTORICAL PAST AS FOUNDATION OF RUSSIA'S POLITY ASSESSING PUTIN'S SPEECHES IN 2012–2018

Konstantin A. Pakhalyuk — Postgraduate Student, Department of Political Theory, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University). Email: kap1914@yandex.ru.

Abstract. The article explores reasons and political meaning behind the fact that in the modern Russia the government is increasingly using allusions to the past. On the basis of the post-fundamentalist tradition in Political Philosophy, the author claims that during the third term of Vladimir Putin's presidency, history turned into a quasi-transcendence aimed at enriching political life with value dimension. In particular, the following phenomena are supportive of this statement: securitization of historical memory and the use of historical arguments to justify important political decisions. Why history was chosen as a major source of value legitimization of Russian polity can be explained by the seeming objectivity of historical facts and the underdeveloped moral discourse in modern Russia, when ethics of virtue trumps ethics of principles.

On the basis of the discourse analysis of Vladimir Putin's speeches in 2012–2018 the author concludes that state is the main actor of the Russian history, and a key political virtue is service to the state. Concrete historical events or figures are used to play a role of examples of serving the state. The arguments based on history are persuasive because first, the past is perceived as objective, and second, the images of the heroes who sacrificed their lives for the sake of their motherland possess emotional strength. The latter does not only explain the prevalence of commemorating military events in the Russian history, but also relegation of the topic of political repressions to the outskirts of the public space, so that the emotionally strong images of victims are not used to justify alternative political values.

Vladimir Putin, by the means of the performative statements, introduces historical topics into different areas of state activity and expands the space of the relevant past by emphasizing the pre-revolutionary period. The repertoire of the historical past used for political goals comes down to the events that precede the beginning of the 1990s i.e., to that "moment of the Political", when the process of the formation of the modern Russian polity unfolded. This leads to the increasing autonomization of the space of the collective memory. Relating the collective "We" to the distant pages of the past requires imagination. However, this very imagination often produces its own world of meanings, which is completely divorced from the real political problems of today.

Keywords: discourse, post-fundamentalism, political communications, politics of memory, symbolic policy

References

- Ankersmit F. (2012) *Politicheskaja reprezentatsija* [Political Representation]. Moscow: Vysshaja shkola ekonomiki. (In Russ.)
- Artem'ev A. (2014) „31 spornyj vopros“ Russkoj istorii: kak menjalos' otnoshenie ko Dnju Pobedy” [“31 Debatable Issues” of Russian History: How the Attitude to the Victory Day Has Been Changed] // *Lenta.ru*, 3.03. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/03/03/myths/> (accessed 5.09.2018). (In Russ.)
- Assmann A. (2014) *Dlinnaja ten' proshlogo: Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika* [Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Assmann A. (2017) *Raspalas' svjaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna* [Ist die Zeit aus den Fugen? Aufstieg und Fall des Zeitregimes der Moderne]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Bliakher L.E. (2014) *Iskusstvo neupravljajemoj zhizni* [The Art of Uncontrolled Life]. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Byzov L.G. (2015). “Konservativnyj trend v sovremennom rossijskom obshchestve — istoki, soderzhanie i perspektivy” [Conservative Trend in Modern Russian Society — the Origins, Contents and Prospects] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], no. 4: 26–40. (In Russ.)
- Groys B. (2007) *Kommunisticheskij postskriptum* [Das Kommunistische Postskriptum]. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
- Harhordin O. (2011) *Osnovnye ponjatija rossijskoj politiki* [Basic Concepts of Russian Politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Kaspe S.I. (2007) *Tsentry i ierarkhii: prostranstvennyje metafory vlasti i zapadnaja politicheskaja forma* [Centers and Hierarchies: The Spatial Metaphors of Power and the Western Political Form]. Moscow: Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij. (In Russ.)
- Kaspe S.I. (2012) *Politicheskaja teologija i nation-building: obshchie polozenija, rossijskij sluchaj* [Political Theology and Nation-building: General Statements, the Russian Case]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Konstitutsija Rossijskoj Federatsii* [Constitution of the Russian Federation]. (1993) URL: <http://www.constitution.ru/> (accessed 07.05.2018). (In Russ.)
- Lakoff G. and M.Johnson. (2012) *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live by]. Moscow: URSS. (In Russ.)
- Lotman Yu.M. (2015) *Vnutri mysljashchikh mirov* [Within Conceiving Worlds]. St Peresbourg: Alphabet. (In Russ.)
- Malinova O.Yu. (2013) *Konstruirovanie smyslov: Issledovanie simvolicheskaj politiki sovremennoj Rossii* [Construction of Meanings: Study of Modern Russia Symbolic Politics]. Moscow: INION. (In Russ.)

Marchard O. (2007) *Post-Foundational Political Thought*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Martyanov V.S. and L.G.Fishman, eds. (2016) *Rossija v poiskakh ideologii: transformatsija tsennostnykh reguljatorov sovremennykh obshchestv* [Russia in Search of Ideologies: Transformation of Value Regulators of Modern Societies]. Moscow: Politicheskaja entsiklopedija. (In Russ.)

Miller A.I. (2012) “Istoricheskaja politika v Rossii: novyj povorot?” [Historical Politics in Russia: New Turn?] // Miller A. and M.Lipman, eds. *Istoricheskaja politika v XXI veke* [Historical Politics in the 21st Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie: 328–367. (In Russ.)

Nansy J.-L. (2011) *Neproizvodimoe soobshchestvo* [La Communauté désœuvrée]. Moscow: Vodolej. (In Russ.)

Ob ispolnenii poruchenija Prezidenta po razrabotke mul'timedijnykh produktov po istorii Rossii [On the Execution of the President's Instruction on Multimedia Products on the History of Russia Development]. (2012) URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/81/events/18595> (accessed 07.05.2018). (In Russ.)

Obrashchenie Prezidenta Rossijskoj Federatsii [Address by the President of the Russian Federation]. (2014) URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603> (accessed 07.05.2018). (In Russ.)

Oushakine S. (2010) “Remembering in the Public: On the Affective Management of History” // *Ab Imperio*, no. 1: 269–302.

Pakhalyuk K. (2017) “Izmerenija diskursivnogo prostranstva politicheskikh protsessov: kommunikativnoe, semioticheskoe i kognitivnoe” [Communicative, Semiotic, and Cognitive Levels of Discursive Dimension of Political Processes] // *Diskurs-Pi* [Discourse-P], no. 3: 55–64; no. 4: 199–209. (In Russ.)

Pamjat' Zoi Kosmodem'janskoj pochtili v Ruzskom rajone Moskovskoj oblasti [The Memory of Zoya Kosmodemyanskaya Was Honored in the Ruza District of the Moscow Region]. (2016) URL: <https://rvio.histrf.ru/activities/news/item-3008> (accessed 07.05.2018). (In Russ.)

Prezidentskie vybory v Rossii: osnovnye vyvody [Presidential Elections in Russia: Main Findings]. (2018) URL: <http://politcom.ru/22943.html> (accessed 07.05.2018). (In Russ.)

Prijom po sluchaju Dnja Geroev Otechestva [Reception on the Occasion of the Heroes of the Fatherland Day]. (2016) URL: www.kremlin.ru/events/president/news/53445 (accessed 07.05.2018). (In Russ.)

Prjamaja linija s Vladimirom Putinym [Direct Line with Vladimir Putin]. (2013) URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17976> (accessed 07.05.2018). (In Russ.)

Prjamaja linija s Vladimirom Putinym [Direct Line with Vladimir Putin]. (2015) URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49261> (accessed 07.05.2018). (In Russ.)

Rossija v Velikoj vojne: Materialy Mezhdunarodnogo obshchestvenno-nauchnogo foruma “Velikaja vojna: Uroki istorii” [Russia in the Great War: Materials of the International Social and Scientific Forum “The Great War: History Lessons”]. (2014) Moscow: Izdanie Gosudarstvennoj Dumy. (In Russ.)

Sheigal E.I. (2004) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Moscow: Gnosis.

Shevchuk S.V. (2017) „Teflonovyy“ rejting (Faktery ustojchivosti politicheskoy podderzhki V.Putina v usloviyah ekonomicheskogo krizisa) [“Teflon” Rating (Factors of Stable Political Support for V.Putin under Economic Crisis)] // *Politeia*, no. 2 (85): 80-93. (In Russ.)

Stenograficheskij otchjot o vstreche s razrabotchikami konceptsii novogo uchebno-metodicheskogo kompleksa po otechestvennoj istorii [Report on the Meeting with the Developers of a New Teaching and Methodological Complex on the National History]. (2014) URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/81/events/20071> (accessed 07.05.2018). (In Russ.)

Strategija natsional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federatsii [Strategy for National Security of the Russian Federation]. (2015) URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=191669&fld=134&dst=100014,0&rnd=0.10045034144140707#02631937844850346> (accessed 07.05.2018). (In Russ.)

Vladimir Putin prinjal uchastie v plenarnom zasedanii IV Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo kul'turnogo foruma [Vladimir Putin Took Part in the Plenary Session of the 4th St Petersburg International Cultural Forum]. (2015) URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/81/events/50926> (accessed 07.05.2018). (In Russ.)

Vladimir Putin provjol zasedanie Soveta po kul'ture i iskusstvu [Vladimir Putin Held a Meeting of the Council for Culture and Art]. (2012) URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/81/events/16530> (accessed 07.05.2018). (In Russ.)

Voennyj parad v chest' 67-j godovshchiny Velikoj Pobedy [Military Parade in Honor of the 67th Anniversary of the Great Victory]. (2012) URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/117/events/15271> (accessed 07.05.2018). (In Russ.)

Vstrecha s avtorami kontseptsii novogo uchebnika istorii [Meeting with the Authors of the Concept of a New History Textbook]. (2014) URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/81/events/20071> (accessed 07.05.2018). (In Russ.)

Vstrecha s rukovoditeljami kraevedcheskikh muzeev [Meeting with the Heads of Local Lore Museums]. (2014) URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/81/events/46710> (accessed 07.05.2018). (In Russ.)

Vstrecha s uchastnikami Obshcherossijskogo istoricheskogo sobranija [Meeting with Participants of the All-Russian Historical Assembly]. (2016) URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/117/events/52201> (accessed 07.05.2018). (In Russ.)

Vystuplenie na voennom parade v oznamenovanie 67-j godovshchiny pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne [Speech at the Military Parade to Commemorate the 67th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War]. (2012) URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/117/events/15271> (accessed 07.05.2018). (In Russ.)

Vystuplenie na voennom parade v oznamenovanie 68-j godovshchiny pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne [Speech at the Military Parade to

Commemorate the 68th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War]. (2013) URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/117/events/18089> (accessed 07.05.2018). (In Russ.)

Yack B. (2017) *Natsionalizm i moral'naja psikhologija soobshchestva* [Nationalism and the Moral Psychology of Community]. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara. (In Russ.)

Yurchak A. (2016) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos': Poslednee sovetskoe pokolenie* [It Was Forever until It Was Over: The Last Soviet Generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Zasedanie Soveta po kul'ture i iskusstvu [Meeting of the Council for Culture and Art]. (2013) URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/81/events/19353> (accessed 07.05.2018). (In Russ.)

Zasedanie Soveta po razvitiju grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka [Meeting of the Civil Society Development and Human Rights Council]. (2016) URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53440> (accessed 07.05.2018). (In Russ.)